

Глава 39. Чувства

Вся рассудительность и все мысли Фу Линцзюня вмиг утонули в этой влажности, коснувшейся его ладони. В голове у него воцарился полный хаос.

Это было совсем не похоже на те бесхитростные, чисто звериные облизывания, которыми ласкался пушистый комочек в облике зверя. Теперь же, став юношей, он покрывал его ладонь мелкими-мелкими поцелуями, и в них чудилась едва уловимая, манящая эмоция — радостная и жадная одновременно.

Сердце билось как бешеное, ладонь вспотела.

Фу Линцзюню казалось, будто это мягкое существо легко толкнуло его прямо в сердце. Не больно, но от этого все чувства в теле сделались острее.

Удовольствие, от которого всё тело напрягалось, растекалось по конечностям и костям. Одна часть его хотела отторгнуть это незнакомое, слишком бурно нахлынувшее чувство, а другая, наоборот, жаждала большего.

А чего именно — стоило ему только подумать, как в голове сами собой всплыли несколько крайне непристойных картин. Это была та самая книжка с рисунками, которую в юности приятель тайком сунул ему в руки. Какая у неё была обложка, какого цвета — он уже не помнил. Помнил только, что, раскрыв её наугад, увидел двух людей: одежда на них была спущена до половины, а тела переплелись друг с другом.

Фу Линцзюнь резко отдернул руку.

— Нельзя.

Голос у него был хриплым до крайности. Длинным пальцем он ткнул в голову юноши, который по-прежнему упрямо лез к нему.

Но теперь перед ним уже был не Сяо Бай пёсик, которого можно было опрокинуть одним тычком, а человек, способный сопротивляться.

Юноша, которого тыкали в лоб, только хныкнул, а потом две непослушные мягкие руки тут же снова обвилились вокруг него, словно повилика, от которой невозможно избавиться.

Одна из рук просунулась ниже и снова принялась легко, щекотно, словно пёрышком, царапать его ладонь. Рука будто была без костей и при этом до крайности хитрая. Фу Линцзюнь попытался схватить её, но она выскользнула, как вьюн.

Хотя перед ним был обычный человек без капли духовной силы и хотя сила этого юноши была для него ничтожна, стоило ему только ожесточиться — и он мог бы тут же оттолкнуть его, а то и вовсе выкинуть из комнаты.

И всё же каждая точка, которой касался юноша, покрывалась онемелой дрожью. Будто какая-то часть его собственного громового пламени случайно вырвалась наружу и теперь мягко, легко скользила по телу.

Тук... Тук...

Вокруг стояла тишина, а сердце грохотало так, будто это был гром.

Фу Линцзюнь позволил себе поддаться. Среди этого отчётливого, шумного сердцебиения он тонул в незнакомом, но предельном ощущении. И только потом, когда юноша, кажется, уже натёрся вдоволь, тот вдруг придвинулся ещё ближе и взял его палец в рот.

Точно так же, как когда ещё был мягким пушистым зверьком. Сначала слегка прикусил, потом пожевал, словно еду, но не прокусывал, а лишь повторял это снова и снова.

В тот же миг палец Фу Линцзюня раскалился.

Кожа на затылке онемела. Пережив первый испуг и потрясение, он даже сам невольно захотел пошевелить пальцем, чтобы вытащить из этого ещё больше...

И тут барьер у двери вдруг кто-то тронул.

Тук-тук-тук.

Снаружи послышался стук.

А следом раздался глухой голос Сян Сина:

— Хозяин. Молодой господин семьи Е. Пришёл.

Юноша своими распушенными движениями уже довёл разливавшийся по телу жар Фу Линцзюня до предела, и именно в тот миг, когда их прервали, он мгновенно отрезвел.

— Что за безобразие!

Кончики его ушей пылали красным. Он выдернул палец изо рта юноши. Тёплой влажной полости больше не было, сверху легла прохладная струйка воздуха, и палец странным образом

одновременно и пылал, и холодел.

Непослушного человека снова бросили на кровать.

Фу Линцзюнь почти сразу повернулся и направился к двери. Полы одежды подняли лёгкий ветерок. Но уже протянув руку к створке, он вдруг застыл.

Он не знал, превратится ли юноша обратно в липучего пушистого комочка, когда проснётся.

А если нет... то одежда ему в любом случае понадобится.

Фу Линцзюнь долго стоял у двери в оцепенении. В конце концов он глубоко вдохнул, вернулся к кровати и достал из жемчужины Нахай комплект одежды того же светло-лунного цвета, что и волосы юноши, после чего положил его у изголовья.

Это был именно тот комплект, на который он первым обратил внимание в лавке готовой одежды в тот день, когда пришёл в себя. Цвет у него был светлый, мягкий и спокойный, точь-в-точь как у юноши.

Оставив одежду, Фу Линцзюнь быстро вышел.

Дверь открылась. Громадина, рассчитывавшая с утра пораньше посмотреть на кормёжку, по привычке метнула взгляд к рукам Фу Линцзюня. Но крепенькой маленькой белой собачки там не оказалось.

Великан заметно приуныл.

Он попробовал было заглянуть внутрь комнаты, но в следующий миг Фу Линцзюнь уже заслонила ему дверной проём.

С мрачным лицом он стоял перед дверью, незаметно пряча за спиной палец, который ещё не успел высохнуть.

— Спускайся сначала.

— Хозяин... — Сян Син посмотрел сперва на закрытую дверь, потом на явно не в духе хозяина. Вид у него сделался обиженный. — Сяо Бай. Голодный. Ему надо поесть.

На пути откармливания Цзян Тана заслуги великана и правда были огромны. Он не только покупал ему мясо, но и пирожные, духовную пищу, фрукты, сахарные фигурки — словом, всё съедобное, что только можно было купить.

Фу Линцзюнь захлопнул дверь с большим размахом, но почти без звука, а затем дополнительно поставил снаружи ещё один небольшой барьер.

— Он не будет есть, — сказал он.

Сян Син шмыгнул носом.

Ему страшно хотелось сказать, что Сяо Бай ест три раза в день и ни один приём пищи пропускать нельзя, а после обеда ему ещё нужны сладости, а вечером и вовсе полагается ночной перекус. Но лицо хозяина сегодня было слишком страшным, и он не осмелился.

Полный скрытых мыслей великан, идя за Фу Линцзюнем вниз, всё время тоскливо оборачивался на плотно закрытую дверь.

Е Чжэнвэнь ждал внизу уже очень давно. Избалованный поварами башни Цяньцяо, молодой господин вяло поковырялся в поставленных блюдах и почти ничего не съел.

Серебристый тигр, как сильный зверь, в основном питался мясом мелких демонических зверей и их духовными ядрами. Ему, в отличие от Цзян Тана, не нужно было есть то, что едят обычные смертные. Но в последнее время, заражённый примером Цзян Тана, он тоже перешёл на пятиразовое питание. Сейчас он сидел рядом с Е Чжэнвэнем в очень пристойной позе, а перед ним стоял огромный таз, доверху набитый мясом.

— Да Бай, ешь поменьше! — наблюдая, как серебристый тигр уплетает за обе щёки, Е Чжэнвэнь почувствовал, что и у него самого, кажется, проснулся аппетит, и тоже потянулся за куриной ножкой. — Посмотри на Сяо Бая. Он уже вон до чего раздобрел! Если ты тоже превратишься в жирного тигра, я тебя с собой никуда не возьму... Слишком позорно.

Серебристый тигр поперхнулся куском мяса и жалобно потёрся большой головой о руку хозяина.

— Ау-у...

Не стану, у меня же нагрузки огромные!

Пока человек и тигр ели, по лестнице спустились двое.

— Брат Линь! — увидев Фу Линцзюня, Е Чжэнвэнь тотчас бросил куриную ножку, в два движения вытер руки и подскочил к нему. Сияя от радости, он наклонился поближе и тихо сказал: — Мы же до этого выбирали, где охотиться на демонических зверей? Ночью я придумал одно отличное место. Идём, идём, сядем и всё обсудим.

Он поспешно велел слугам убрать со стола. Зная, что его брат Линь воспитан в строгой школе и после вхождения в бигу уже не гоняется за вкусной едой, а максимум пьёт вино или чай, он сразу распорядился подать изысканные закуски и хороший чай.

— Брат Линь, ты когда-нибудь слышал об утёсе Жисы? — понизив голос, спросил Е Чжэнвэнь, когда они уселись.

Фу Линцзюнь сделал вид, что задумался, а потом ответил:

— Нет.

— И отлично, что не слышал! Именно так и надо. Место должно быть таким, чтобы никто другой не додумался!

— Слушай, утёс Жисы когда-то тоже был духовной областью. Про моего дядю ты же слышал? Вот он вместе с дядюшкой Цзяном когда-то очень давно её запечатывали. Но потом дядюшка Цзян запечатал область Цянькунь, а Жисы ещё и в стороне, так что мой дядя про неё забыл. Простые люди туда попасть не могут, вот место и пришло в запустение.

— И тут меня вчера как осенило: другие туда не могут, а я-то могу!

Глаза молодого господина Е заблестели от восторга.

— Я ведь родня моему дяде по крови. Когда придёт время, мы с ребятами тайком туда проберёмся. Никто не будет отбирать у нас добычу, и мы точно наберём больше очков, чем Ци Цунъюй и остальные!

Ещё вчера он собирался позвать Ци Цунъюя в свою команду, а сегодня уже считал его угрозой.

— А Хуай Чэнъинь? — спросил Фу Линцзюнь.

Е Чжэнвэнь почесал нос и не слишком уверенно ответил:

— Вообще я хотел его позвать... Но мы с ним не особо близки. Не знаю, согласится ли он. Правда, вчера я, кажется, слышал от госпожи Шэн, что они знакомы. Позже пойду к госпоже Шэн и попробую попросить её помочь.

— Впрочем, даже если Хуая не получится позвать, нас троих — тебя, меня и даоса Суна — всё равно хватит. Утёс Жисы уже однажды был подавлен моим дядей, оставшиеся звери там не слишком опасны. Переживать не о чем!

И вправду, переживать было не о чем. Но раз уж Фу Линцзюнь решил собрать всех этих младших, он не собирался упускать ни одного.

— Думаю, ему это будет интересно, — с уже готовым расчётом мягко улыбнулся Фу Линцзюнь.
— Если Хуай Чэнъинь пойдёт с нами, шансов на победу станет ещё больше.

Он как бы невзначай рассказал немало сведений о Хуай Чэнъине — всё это ему поведал тот самый культиватор Лу Син, которого он встретил в чайной. Фу Линцзюнь не любил собирать сведения своими руками, но всегда находились люди, готовые сами принести ему нужную информацию за немного денег.

А денег у Фу Линцзюня как раз было в избытке. Так между ним и Лу Сином постепенно завязалась весьма глубокая «дружба на почве сплетен».

Е Чжэнвэнь, слушая его, загорался всё сильнее. Наконец он махнул рукой серебристому тигру, который всё ещё жадно уплетал мясо:

— Да Бай, хватит есть! Пошли, пошли, нас ждут великие дела!

С этими словами он попрощался и умчался стрелой.

* * *

В третий раз Цзян Тан увидел ту самую ледяную дверь.

В первый раз она стояла высоко на дереве с красными плодами. Во второй — внизу под бездной, окружённая обиженными душами долины Тяньбэй. А в третий раз появилась уже в мире сна, созданном Фу Линцзюнем, и рядом с ней сторожила трёхглазая гигантская птица.

Похоже, он уже кое-что понял.

Эта дверь появлялась всякий раз, когда его чувства сильно колебались. Но для чего именно она нужна и почему возникала в его сознании, он по-прежнему не понимал.

Собравшись с духом, Цзян Тан подошёл к двери. Трёхглазая птица, сидевшая сбоку, кажется, и не собиралась нападать. Она лишь провела по нему всеми тремя глазами и отвернулась.

— Моё дитя... я наконец нашёл тебя...

На этот раз Цзян Тан наконец ясно расслышал слова, доносившиеся из-за ледяной двери. Ощущение было всё таким же странным: он не знал, на каком языке они произнесены, но, едва

попадая ему в голову, сами собой превращались в понятные слова.

Как родной язык. Или как инстинкт.

Дитя? Какое ещё дитя? Цзян Тан огляделся по сторонам, потом посмотрел на себя.

В этом мире он больше не был маленькой белой собачкой и сейчас предстал в облике благого зверя. То ли ему только казалось, то ли он действительно стал чуть крупнее. Раньше он был размером с ладонь и видел всё совсем низко, а теперь, наверное, был уже со взрослого шпица.

Он сделал пару шагов вперёд, попытался мысленно задать вопрос, но из горла снова вырвались лишь привычные жалобные звуки:

— И-и-у-у...

Смысл был примерно такой: «Ты кто? И почему я здесь?»

Услышало ли его существо за дверью — неизвестно.

За дверью вдруг стало тихо.

Цзян Тан присел в отдалении, решив, что ответа уже не дожждётся. Но как раз в тот миг, когда он уже собирался уйти, из-за двери донеслось рваное, обрывочное:

— Только... Линьцан... сможет...

От этих слов Цзян Тан снова впал в полное недоумение.

Эй, братец, ты не можешь сразу договорить всё до конца? Что такое Линьцан? Человек? Вещь? Место? Или ещё что-то?

И что потом? Что именно сможет?

Цзян Тан ещё какое-то время терпеливо пытался наладить общение у ледяной двери, но голос за ней снова исчез. Он ждал так долго, что чуть не уснул, а оттуда так ничего больше и не прозвучало.

Ладно уж. Раз он видел её уже трижды, значит, встретит и в четвёртый раз.

Цзян Тан, образцовая уставшая офисная солёная рыба, не стал слишком глубоко копать и

спокойно отложил этот вопрос. Всё равно, если тот голос захочет снова найти его, они непременно увидятся.

Спалось ему в ту ночь очень беспокойно.

Когда он проснулся, то почему-то ощутил сильную боль в передних лапах. С закрытыми глазами он упрямо не хотел вставать и невольно вспоминал, что случилось перед тем, как потерял сознание.

А, точно. Не потому ли у него так болят лапы, что во сне его приложило большим камнем?

К счастью, он с самого начала был уверен, что Фу Линцзюнь обязательно его спасёт, так что вырубился без всякой ноши на душе. Раз уж он проснулся, значит, с ним всё в порядке.

Цзян Тан лениво валялся на кровати, нарочно не открывая глаз, пока не услышал, как открывается дверь, а затем — знакомые шаги.

Вернувшись в комнату, Фу Линцзюнь увидел, как из-под одеяла навстречу ему высунулся пушистый белый лобастый комочек.

— И-и-у-у! Это же красавец!

Растроганный Цзян Тан даже про страх высоты забыл, вскочил и хотел было спрыгнуть с кровати, но боль в передних лапах оказалась слишком явственной. Едва он сделал пару шагов, как они заныли так, будто кто-то их изо всех сил сжимал.

Э? Он теперь под крылом у босса. Кто посмел тайком его избить?

— И-и-у-у... — пушистый комочек, которому было больно, свернулся и принялся зализывать шерсть на лапках.

Фу Линцзюнь ещё долго стоял в дверях, не двигаясь.

Он и сам не понял, что именно мелькнуло у него внутри — разочарование или, наоборот, облегчение, от которого невольно стало легче дышать.

Но одного он не знал точно: как ему смотреть в лицо пушистому комочку, если тот проснётся человеком.

— Глупая собака, — заставил он себя забыть о мягком юноше по имени Цзян Тан и с усилием переключиться на маленького зверька перед собой.

Цзян Тан недовольно фыркнул. Это он-то глупый? Да это Фу Линцзюнь глупый, и ещё какой! Даже не догадывается, что маленькая собака уже который день втихаря и с большим удовольствием к нему пристаёт.

Полная нехороших замыслов собачка тут же жалобно заскулила:

— И-и-у-у...

Пусть большой красавец скорее подойдёт и возьмёт его на руки. Сегодня у него болят лапы, ходить совсем не хочется.

В больших влажных глазах белого комочка стояла сплошная обида. Увидев такой взгляд, Фу Линцзюнь чуть было не шагнул к нему, чтобы обнять.

Но это был уже не просто маленький зверёк.

Это был он. И у него было имя.

Фу Линцзюнь невольно вспомнил те осколки души, рассыпанные в его обители духа, и то, как юноша лнул к нему, целовал, тёрся о него, даже взял его палец в рот. Та дрожь, от которой онемела кожа, вспоминалась так ясно, что всё тело до сих пор отзывалось на неё.

Это странное ощущение, видимо, сопровождало его с самого начала, ещё когда тот был просто «собачкой».

В первый раз, когда этот бесстрашный пушистый комочек вцепился зубами в его палец, место соприкосновения уже отозвалось тонким, едва заметным онемением и зудом.

Он повернул голову к двери и позвал:

— Сян Син, зайди.

Великан появился почти мгновенно.

— Отнеси его поесть.

В глазах Сян Сина тут же вспыхнула радость. Он посмотрел на Фу Линцзюня, затем на комнату, куда хозяин прежде не позволял ему входить, и с сомнением переспросил:

— Сян Син... можно... войти?

Фу Линцзюнь отвёл взгляд:

— Да.

Тугодум-великан, конечно же, не уловил этих тонких перемен в выражении лица. Он осторожно вошёл, поднял с кровати хнычущий пушистый комочек и с полным довольством погладил мягкую шерсть.

— Сяо Бай, кушать.

И тут он увидел у изголовья красивую одежду светло-лунного цвета.

Сян Син склонил голову набок и, сравнив её с телосложением хозяина, задумался.

Странно. Одежда выглядела совсем маленькой. Хозяину она точно не подошла бы. Тогда почему она лежит здесь?

— Хозяин, одежда... зачем...

Сян Син не успел договорить. Цзян Тан как раз собирался глянуть, что там за одежду он увидел, но Фу Линцзюнь в следующий миг уже появился перед ними, и светло-лунная одежда исчезла.

— И-и-у, — будучи поднятым на руки, Цзян Тан, преодолевая боль, вытянул лапку, желая коснуться Фу Линцзюня.

Но Фу Линцзюнь уклонился.

Лапка схватила пустоту.

Цзян Тан: ???

С одной стороны, теперь ему действительно не нужно было идти самому. Но почему-то на душе всё равно стало очень неприятно.

Он смотрел на Фу Линцзюня с непонятым выражением мордочки и снова, уже словно капризничая, жалобно позвал:

— И-и-у-у...

Но Фу Линцзюнь опять не отреагировал.

У Цзян Тана смутно возникло чувство, будто его во второй раз разлюбили.

И подтверждение пришло сразу после еды. По дороге к Е Чжэнвэню босс Фу увидел у уличного торговца маленького демонического детёныша размером примерно с ладонь.

Детёныш был совсем крохой, кругленький. Цветом — как рыжий котёнок, только на лбу у него было две красивые полосы, уши острее, а кончики ушей темнее, словно язычки пламени.

Изо рта у него то и дело вырывались огоньки. Сразу видно — зверёк сильный.

Вокруг торговца собралось множество культиваторов. Все наперебой говорили, насколько этот малыш редок и каким грозным помощником станет, если вырастить его рядом с собой с самого детства.

И Фу Линцзюнь вдруг остановился и очень долго смотрел именно на него!

— И-и-у-у!

Не смотри! Не покупай! Одного милого меня тебе более чем достаточно!

Но у маленького пёсика, сидящего на руках у Сян Сина, никакого права выбора не было. Оставалось лишь смотреть, как Фу Линцзюнь протягивает руку, чтобы погладить детёныша по голове.

После того как душа Фу Линцзюня смягчилась под влиянием Цзян Тана, от него исходил тонкий запах, приятный всем живым существам.

Неустойчиво шагавший детёныш уловил этот хороший запах, кое-как подошёл к красивой руке под шёпот и восхищённые голоса культиваторов и потёрся о неё.

— Ого, даос, похоже, ты ему очень нравишься! — торговец скользнул взглядом по жемчужине Нахай у пояса Фу Линцзюня и тут же оживился. — В таких делах главное — судьба. Даос, раз уж между вами такая связь, заведи его себе!

— И-и-у, — детёныш ещё не умел рычать. Голос у него был молочный, нежный, один в один как у того пушистого комочка, который постоянно ластился к хозяину.

Цзян Тан, превратившийся в чистейший кислый лимон: а-а-а-а, почему, почему босс полез гладить чужого малыша? Это я уже не милый или просто когти вытащить не могу?

Фу Линцзюнь машинально согнул пальцы и почесал детёнышу мягкий подбородок.

Тот вытянул язычок и лизнул его руку — влажно, тепло.

Но в душе Фу Линцзюня не дрогнуло ничего.

Он отдёрнул руку.

Нет. Похоже, ему нравится уже не просто этот избалованный пушистый комочек.

Примечание автора:

Фу Линцзюнь: нормально ли, что моим первым объектом влюблённости стала собачка?

Цзян, он же Золушка, Тан: срок действия карточки «временно стать человеком» истёк, но совсем скоро её снова продлят. Любовная линия поехала~

<http://bllate.org/book/17032/1638327>